

В Колонном зале Дома союзов гуляли новые короли жизни. Ничего не попишешь — их время. На презентацию новоиспеченного банка слетались те, кто числит себя высшим светом, и те, кто туда стремится. Чужих не пускали. Плотноту покушав и в удовольствие попив, гости проследовали в зал, чтобы посмотреть на пришедших их потешить актеров. Благоосклонно прослушали оду во славу банка, вежливо похлопали Геннадью Хазанову, морально доводящему последних коммунистов. После выступлений Эсамбаева, Толкуновой, Никулина и Шифрина потихоньку потянулись к выходу, и тут на сцене появилась ОНА — о, организаторы знали, кого прибореж на десерт! Ведущий срывающимся голосом объявил:

— Суперзвезда советской эстрады София РОТАРУ!
И — оации, цветы, поделуи, опять цветы, опять поделуи...

Когда все это закончилось, вместе с постоянным в по-

ДЕВЧОНКА-ХУТОРЯНКА

— Я скажу, что прожила жизнь хуторянку...

— А почему так печально, в прошедшем времени?

— Знаешь, как-то на душе тоскливо, скучно по тем временам. Молодые годы... Я стала часто вспоминать детство, юность, молодость. И мне кажется, что это происходило с разными людьми, будто я прожила не одну жизнь. Кто бы мог подумать, что все так будет? Когда я начинала, все выглядело простым. Я не стремилась к славе, богатству — просто любила петь. У нас еще село такое... В самодеятельность ходили. Когда мне говорят о фонограммах, я думаю: кто-нибудь попробовал бы столько понуть живьем, сколько я пела. Я не знала, что такое микрофон... Все райцентры, все клубы — какие микрофоны, откуда? Первый раз я его увидела в Кишиневе — «Бик», «Бек», как он назывался? Спела тогда и говорю: а зачем голос? И привыкла без всяких усилителей работать. Было это году в 69-м. Боже, как давно! Только не подумай, что мне сто лет. Я запела очень рано, со школьной скамьи. Буковина — вообще очень музыкальный край. То, что именно я добилась такой популярности, объясняю своей счастливой звездой. Когда я только начинала, уделяли большое внимание художественной самодеятельности, лозунг такой был: «Подъем национальных окраин», меня и замечали. Да разве я одна тогда на Западной Украине взошла? «Смеричка», Вася Зипкевич, Назарий Яремчук, Володя Ивасюк со своими песнями. Нам просто повезло, время было хорошее.

— Брату и сестрам вы помогли выбиться на эстраду?

— Я старалась помочь в их становлении. Брат и сестрица выступали у меня в программе, но Лидия недавно родила дочку, пока ухаживает за малышкой. Зато со мной поет наша младшая — Аурика. Девочки никак не пользуются моим именем. У них свой стиль, свои песни. Они горят собственную дорогу. Мы очень дружны. Нас в семье шестеро, много. Четверо поют, брат остался в колхозе. У него там свое дело. Он говорит: попоете, попоете, все равно сюда вернетесь. Мой брат трудяга, пахнет день и ночь. Когда комиссия в колхоз приезжает, к нему ведут. Те affairs начинают: кто вас научил да что вы закончили? А у него и образования нет.

— Почему?

— Сейчас расскажу, хотя об этом пока мало кто знает. Это время, когда не то что за религиозные, а даже за старые народные праздники строго наказывали. Толя, брат, только вернулся из армии. Ну ты знаешь, как — каждый вечер гулял с ребятами. Однажды встал и притащил огромную елку, выброшенную из клуба, установил во дворе отцовского дома, украсил огнями. И надо же, это попало на старый Новый год. Топно эскадри, по селу ездил

милиция, специально смотрела, кто как празднует. Отца прямо ночью разбудили... Папу в течение недели исключили из партии, списали с бригадиров отгороднической бригады, брата выгнали из комсомола. Пришлось ему забирать документы из Черновицкого университета. Недавно нану реабилитировали, предложили восстановить в партии...

— Какой, ее ведь уже нет?

— Тогда еще была. Отец отказался, сказал: меня люди уважали и продолжают уважать. Но тогда это для него был страшный удар. Мы-то во все свято верили — и в юзунги, и в светлое будущее.

— Когда же это было?

— А не так и давно — году в 76-м. Это послужило одной из причин, что мы переехали в Крым. Говорили, что из-за моего здоровья, мол, астма и все такое. Но после того, что сделали с отцом, мне трудно было оставаться в Черновцах. Я ходила тогда к первому секретарю обкома на прием, буквально на второй день после случившегося. Мы просили прощения, а он единственное что сказал: «Вы, София Михайловна, личность известная, но надо было внешне отцу вести себя по-другому». Я говорю: «Да он же спал...». Но все без толку. Мы уехали, крымчане нас приютили.

— С родителями?

— Нет, куда же они от земли? Я без них целый год вот такими слезами плакала, не могу без дома, такой человек. До сих пор душой и сердцем я на Буковине, хотя в Крыму ко мне прекрасно отнеслись.

— В КРЫМУ

— Были люди просто удивительные, такие, как Николай Карпович Кириченко. Земля ему пухом. Сегодня партийных функционеров принято ругать, а моя семья вроде бы от них несправедливо пострадала, но я не люблю спешить все в одну кучу. Кириченко, первый секретарь Крымского обкома, оклеивал нас заботой, вплоть до того, что, когда мы ехали на гастроли за рубеж, звонил и предлагал помочь с консервами в дорогу — знал, что на суточные не проживешь. Были хорошие люди, но были и ответные пегоды. О них я и говорить не хочу.

— Вы обмотались о здоровье. У слухов были какие-то осложнения?

— Были. Мне и врачи Крым рекомендовали. А из-за чего? Лежу больная, температура 39, вдруг звонят — ответственный концерт. Что делать? Я к врачу: выручайте! Раньше такие обкомовские больницы были — лечасанупры. Там и врачи, и аппаратура получше. Но люди ведь не волшебники. Однажды, помню, зовут на концерт, а у меня ангина. Я лора убеждала: ну хоть что-нибудь придумайте, чтоб хоть вполголоса петь, а он руками разводил... Никогда не забуду, как лежала в институте Сеченова с воспалением легких, а меня в Киев вызвали по рас-

поряжению правительства. Не поверили, что больная, велели ехать. Села я в поезд, посмотрели на меня в Киеве и отправили на следующий день обратно. Вернулась в Симферополь, а через неделю уже двустороннее воспаление. С той поры я очень часто болею. Но я никого не виню и зла не помню. Предпочитаю говорить о тех хороших людях, с которыми меня судьба сводила. Их было больше.

— А Щербинский вам помог?

— Лично я с ним не была знакома, но говорили, что он ко мне хорошо относился. Я мало кого из руководителей близко знала. Вот Петр Кириллович Лучинский, бывший секретарь ЦК КПСС, мы еще по Кишиневу, по комсомолу знали друг друга. Я тогда только-только начинала.

— А тот шикарный особняк на берегу моря, о котором столько говорят, вы с помощью Кириченко получили?

— А о том, что, прожив 15 лет в Крыму, мы 10 лет репетировали в 14-метровой комнатке, а потом арендовали зал у латинского ГАИ, не говорю? Я латинская, а наконец смогла арендовать

дом... Заметьте, за свои деньги. Я ведь последний год зарплату от филармонии не получала, все туда вкладывала. Почему, например, сегодня выступили?

— Это отдельный разговор.

— Нет, давай сразу выясним, я же вижу, тебе хочется денег. Спонсорские, любые. Ремонт здания, оборудование, мебель — нам никто этого не оплатит. А за аренду 308 тысяч? У филармонии денег нет, значит, все приходится делать самим. Знаю, что никто мне не поверит, но это абсолютная правда: я два месяца подряд жила там в коридоре, в фуфайке варила рабочим обеды в неотапливаемом помещении.

— Что за особняк без отопления?

— Господи, это бывшая поликлиника, идущая под нос. Одно здание успели снести, во второе мы незаконно въехали и сказали: снесите вместе с нами. С большим скрипом нам его уступили. А как только мы дом отстояли, сразу объявилось столько претендентов на него, что мы еще несколько лет ринулись бы бороться. Сегодня полови-

ни дома арендуем мы, а другую — латинское радиовещание. Вот вам и весь знаменитый особняк Ротару, за который я якобы заплатила миллион. Да и оттуда мусор ведрами выносила!

Однажды бабы пришли, спросили: «Когда же Ротару откроет свой магазин, старыми платками торговать будет?» Я как раскричалась, а мои ребята говорят: «Через полчаса приходи!» Разложили свои рабочие комбинезоны, перчатки, сапоги, бабки возмущаться стали, что над

ду дома арендуем мы, а другую — латинское радиовещание. Вот вам и весь знаменитый особняк Ротару, за который я якобы заплатила миллион. Да и оттуда мусор ведрами выносила!

Однажды бабы пришли, спросили: «Когда же Ротару откроет свой магазин, старыми платками торговать будет?» Я как раскричалась, а мои ребята говорят: «Через полчаса приходи!» Разложили свои рабочие комбинезоны, перчатки, сапоги, бабки возмущаться стали, что над

следние годы партнером Ротару композитором Владимиром Матецким и супругом Софией Михайловной по жизни и художником по работе Анатолием Евдокименко мы зашли в артистическую. Едва успевшую переодеться Ротару вместе с Матецким именинники утянули за свой стол. Анатолий Кириллович иди категорически отказался: «Я не в форме, да и вообще...». Пока ждали возвращения Софии Михайловны, я выяснил, что ради этого выступления перед банкирами Ротару пришлось перенести концерт в Архангельске, где у нее проходили гастроли, в пять утра вставать, чтобы успеть на самолет, тащить за собой в Москву музыкантов, балетную группу... Сейчас после концерта — в гостиницу, а рано утром опять на самолет и снова в Архангельск продолжать гастроли. В мозгу сидела одна мысль: «Господи, ну Ротару-то это зачем? С ее славою, возможностями — лететь через полстраны, чтобы ублажать денежные мешки? Ради чего?»

Соб. Татарин. — Казань. — 1992. — 30-е май.

София Ротару:

МНЕ МОГУТ НЕ ПОВЕРИТЬ, НО Я ГОВОРЮ ПРАВДУ

ними издеваются. Я даже знаю, кто сидит о магазине пустил — латинское отделение АПН, занимавшееся ранее две комнаты в этом доме...

Понимаешь, я устала 20 лет скитаться без студии, репетировать где придется. И когда сегодня банк, организовавший презентацию, платит мне гонорар, я рада, потому что знаю: теперь смогу рассчитывать до конца года за свет, воду, отопление. А как по-другому?

О ВЕЩАХ ПРОЗАИЧЕСКИХ

— Вот ты говоришь: особняк. Господи, да я живу в обычной квартире в девятиэтажке. Таких полно. Когда к нам в гости приезжал Андрей Вознесенский, он даже не пытался скрыть разочарования. Ему рассказывали о какой-то спонсируемой даче с бассейном с морской водой. А мы недавно у себя только в первый раз ремонт сделали.

— Ну, а машина у вас хотя бы есть?

— Да, «Ниссан патрол». Бе выбрали потому, что заправляется дизтопливом, который в отличие от бензина пока не в дефиците.

У нас любят поговорить о высоких заработках артистов. Но при этом почему-то не учитывают, что родом со мной 30 человек, которым надо платить — музыканты, балет... Все, что на мне — спеическая одежда, обувь, это тоже куплено на собственные деньги. В мае ведь отчетную программу в Киев. Нужны новые костюмы, а где взять ткань, где подшить? С ума сойти можно!

— Поэтому вы и заломили в Мурманске по сто рублей за билет?

— Подошли перед концертом в Мурманске к моему администратору два подвыпивших мужика и стали возмущаться, что мы дорого берем. Значит, за бутылку водки 180 рублей отдать можно, а за концерт, где я полтора часа живьем работаю, жалко?

А с другой стороны, думаю, мне приятно, что простой трудяга не в состоянии купить билет? Но ведь и себеле в убыток выступать не станешь. В этом и заключается абсурдность нашей жизни. Поешь для людей, стареешься ради них, и ты же вынуждена назначать такие цены. Раньше на концерты семьями

ходили, а сегодня это многим по карману? Ладно, завтра я пушу билеты по червонцу, но тогда пускаяй и в гостиницах восстанавливают прежние расценки, и в ресторанах, и на транспорте. Этого же нет! И все-таки я решила для себя, что дорожее 50 рублей на мои концерты билетов не будет. Неловко просто перед людьми. Я всегда помню, что артист без зрителя — никто. Молодым девочкам, которые рядом со мной работают, всегда говорю: главное, чтобы зал полный был, а зава-

это организовал, хотел сорвать мой гастроль.

— А что за обструкция вам устроили во Львове во время гастроль?

— Концерты проходили на стадионе «Дружба», и на трибуны пришла часть зрителей, настроенная против меня. Было очень обидно видеть плакаты «София, тебя ждет кара!» Немало нашлось и моих поклонников. Чуть до двоя не доходило. Неприятно... Но я глаза от зрителей не прятала. Меня засвистывают, а я пою. Дуло скручу и в нос им! Мне телевизионщики кричат: отойди от трибун от греха подальше, не дразни русей! Ничего, на третий день переломила, аплодировать стали. Я знала, что права, ибо никогда не лгала публике, не лгала себе.

— И тем не менее после тех львовских концертов — а прошло уже года три — вы на Украине почти не выступаете?

— Есть где-то моя вина. Но не могу же я все время доказывать свою лояльность, требовать любви к себе. Впрочем, в этом году я выступала и в Киеве, и в Черновцах.

И В КАКОЙ СТОРОНЕ...

— События последнего времени, распад Союза на географические позздки отразились?

— Конечно. Например, сейчас сложно поехать в некоторые регионы. Не так давно тогдашнее Министерство культуры СССР обязало нас совершить гастроль по горячим точкам. Сначала мы отказались, а потом подготовили программу «Друзья остаются друзьями» и «Караван любви» и поехали — вильнюс, Рига, Таллин, Тбилиси, Баку, Ереван. Особенно Армения запомнилась. Неотапливаемый, но битком набитый зал, мы выныриваем из теплой одежды, переодеваемся и — на сцену. К концу концерта забывали, где мы, что мы. А по ночам перестрелки на улицах... В Баку как принимали, в Грузии — потрясало!

Правда, потом я два месяца лежала в больнице с воспалением легких, но ни о чем не жалела. До сих пор глаза зрителей помню. Меня предупреждали: не спускайся в зал, мало ли что. Даже охрану приставили. А я считала: с чем к человеку идешь, тем и он тебе отплатит.

— В Москву вы теперь приезжаете как за границу?

— Нет, я еду как к себе домой. «Московский комсомолец» назвал меня иностранной певицей, но я не чувствую себя здесь чужой. У меня масса друзей в Москве, я переехала в этом городе столько радостных и светлых минут. И вообще: мои родители — на Буковине, брат и сестра — в Кишиневе, мы — в Крыму, друзья — по всей стране. О каких границах речь? Все равно мы будем вместе, как бы это ни называлось — СССР, СНГ или еще по-другому... И, скажем, Кремль для каждого из нас останется Кремлем. Ну как я могу забыть такое: на одном из торжественных концертов в Кремлевском Дворце съездов я выступала вместе с родными сестрами — Лидией и Ауринкой. Представляет, три девушки из молдавского села на Буковине поют с кремлевской сцены? Это надо пережить...

— Вы так поэтически говорите и тем не менее своего сына из московского вуза забрали...

— Тут возникли проблемы несколько иного рода, чем то, на что ты намекаешь. Руслану было очень тяжело, он скучал вдали от дома. К тому же в Москве бытовые неурядицы одолевали. Общественности ему не дали, приходилось снимать угод то там, то здесь. Знаешь, каких денег сегодня квартира в Москве стоит?

— А что вы сыну в Севастополе обеспечили?

— Ни о каких дополнительных льготах мы для него не хлопотали. Учился в приборостроительном институте, живет в комнате общежития вместе с еще двумя ребятами. На субботу и воскресенье приезжает домой, иногда мы с мужем к нему ездим. Ялта и Севастополь рядом, это Москва за тридевять земель... Так и Руслану удобнее, и мне спокойнее.

— Материально сына поддерживаете?

— Разве сегодня на стипендию проживешь? Правда, последние несколько месяцев нас Руслан кормил. Мы гастролеровали за пределами Украины, и естественно, купонами нам не платили. Когда приезжали домой, даже хлеба купить не могли.

— Вот что значит гастролеровать за границей! Кстати, о ней самой. Знаю, что после ваших концертов в Канаде в 83-м году вы на пять лет стали нелегальной. С чем это связано?

— А нам никто не объяснял. Просто, когда приходили в Госконцерт вызовы на нас из-за рубежа, отказывали под предлогом того, что мы не выступаем. Нас же даже не ставили в известность. Обычная практика, так тогда со многими неугодами поступали. Меня за что-то невзлюбил.

Но тут нужно сказать, что мы никогда не стремились очень много работать за границей. Мы могли собрать полные площадки в Союзе, иногда по 30 концертов с аншлагом в одном городе проводили, меня это вполне устраивало. Когда ты видишь, что тебя любят, встречи с тобой идут, то мысль ехать куда-то, завоевывать другую аудиторию просто не приходит в голову. Тем более на Западе ведь выступать приходилось перед эмигрантами, а это публиканял.

— Но зато и платили там не «деревянными».

— Там нам ничего не платили, только суточные от Госконцерта. Я получала, как и рабочий в нашем коллективе. Всем поровну, а сверху абсолютно ничего, я вам слово даю. Тацили за собой чемодан с консервами, чтобы хоть что-то сэкономить. Были и анекдотические ситуации. Записывали мы пластинку в Германии. Нашли мне назначили ставку 6 рублей за минуту звучания. Немцы должны были заплатить 156 марок. Они не поверили, перезвонили в Москву. На следующий день переводчица подходит, мнетя как-то, стесняется: «Наш шеф решил сделать вам маленький презент, потому что Москва повысит ставку не разрешает». Да что говорить! Жалею об одном — что на это выпали молодые годы, когда так много можно было сделать. Помню, в Мюнхене на фирме «Орион» записала пробную пластинку, предложили выпустить диск с итальянскими и французскими песнями. Итальянский язык мне очень близок, так же, как и французский. Нашли композитора, звали в Америку озвучивать кинофильм. А потом из Госконцерта пришла директива петь только советские песни. Меня немцы еще немного поу-

говаривали, но что значило в той обстановке нарушить приказ? Я тогда одновременно с Амадой Лир начинала... Ей тот же композитор песню писал, что и мне для мюзикла Но... Не повезло.

— Вы суеверный человек?

— Да, очень. Я все знаю, что со мной будет, — и через день, и через два. Знаю, когда идет провал, когда успех, верю в Бога. И то, что я предсказываю, всегда сбывается.

— Что может нам испортить настроение?

— Да очень многое. Сейчас это очень просто делается. Тот же шпейсар, тот же милиционер в аэропорту — хамство у нас отнюдь не редкость. Обычно старалась промолчать, чтобы не заводиться, — не знаешь, на кого нарвешься.

— А приметы свои у вас есть?

— Обязательно. Особенно перед выходом на сцену. Постучать по дереву, сплунуть через плечо, еще многое другое, о чем сказать не могу. Всегда Бог со мной, перед выходом на сцену должна перевертнуться. Раньше я это скрывала, а сейчас открыто говорю. Я ведь еще школьницей пела в церковном хоре, а потом пришлось уйти по идейным, так сказать, соображениям — как же, в пионерке поступать? У нас все в семье верующие — и мать, и отец.

— Вам везло, когда-нибудь приходилось давать? Например, чтобы песню показывали по Центральному телевидению, в конкурсе включили?

— Боже упаси. Чего-чего, а этого не было. Может, потому, что я, как говорится, сто лет на эстраде? Ну, бывало, с цветами прилещу, но это не везло. Наоборот, мне даже помогали. Перед одним из новогодних «Голубых огоньков» у меня не было песни. Редактор посоветовал послушать «Лаванду» незнакомому мне Матецкого. Я упиралась, отказывалась, а потом как улыбнулась... С той поры работаю с Володей.

— О том, что пели, скажем, «Я, ты, он, она», не жалее?

— У меня случайных песен не было. То, что не нравилось, никто не мог заставить меня спеть. Я ни от чего не отказываюсь. Вот, например, песня «Красная стрела». Кому-то она не понравилась из-за руководства: «Почему красная? Песню выкидывали из концертов, из «Песни года», а я назло пела.

И когда возьму свои старые пластинки, послушаю — нет, все мое. Даже о Родине.

— А в партии вы вступали?

— Нет, никогда. Хотя мне говорили, что это помогло бы скорее получить звание. Я не стала. Вообще, пресмыкаюсь, юлить — не по мне. Помню, когда выдвинули на Госпремию Украины, предложили спеть для членов комиссии в камерной обстановке под рояль. Но я не люблю «дачных» концертов. Пришла ла всем приглашения на сольные выступления во Дворец культуры «Украина». Ни один из комиссии не пришел. Так же и с Госпремией СССР. У меня были концерты в «России». За неделю до вручения — презентация. Все меня поздравляли. А потом — ничего. Опять не спела на даче...

Но не зная главного для меня. Хочу, чтобы в залах у меня было полно людей, чтобы меня провожали словами: «Приезжайте еще». Я думаю об одном: «Господи, сделай так, чтобы это продлилось для меня нет ничего страшнее, чем потерять голос. Пока могу, я буду петь».

Андрей ВАНДЕЙКО.

18-й